ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ИСПОВЕДЬ

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ЖИВЕТ, ТО ОН ВО ЧТО-НИБУДЬ ДА ВЕРИТ

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Великие идеи

Лев Толстой

Исповедь

«Эксмо»
1882

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1-4

Толстой Л. Н.

Исповедь / Л. Н. Толстой — «Эксмо», 1882 — (Великие идеи)

ISBN 978-5-04-256136-8

Классическое произведение Льва Николаевича Толстого, ставшее итогом духовных поисков писателя. Откровенность этой книги была настолько велика для своего времени, что опубликовать ее удалось только через много лет после написания, в 1906 году. В «Исповеди» нет готовых рецептов, Толстой просто рассказывает свою собственную историю, которая, возможно, помогла и поможет найти свой собственный путь не одному поколению читателей.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1-4

ISBN 978-5-04-256136-8

© Толстой Л. Н., 1882
© Эксмо, 1882

Содержание

По Толстому, задача человека в жизни: 6
Голос совести 8
Предисловие 9
Исповедь 10
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Лев Толстой
Исповедь

© ИП Сирота Э. Л. Текст, оформление, 2016
© Оформление. ООО «Издательство Э»

* * *

По Толстому, задача человека в жизни:

1. Выразить себя в любимом деле.

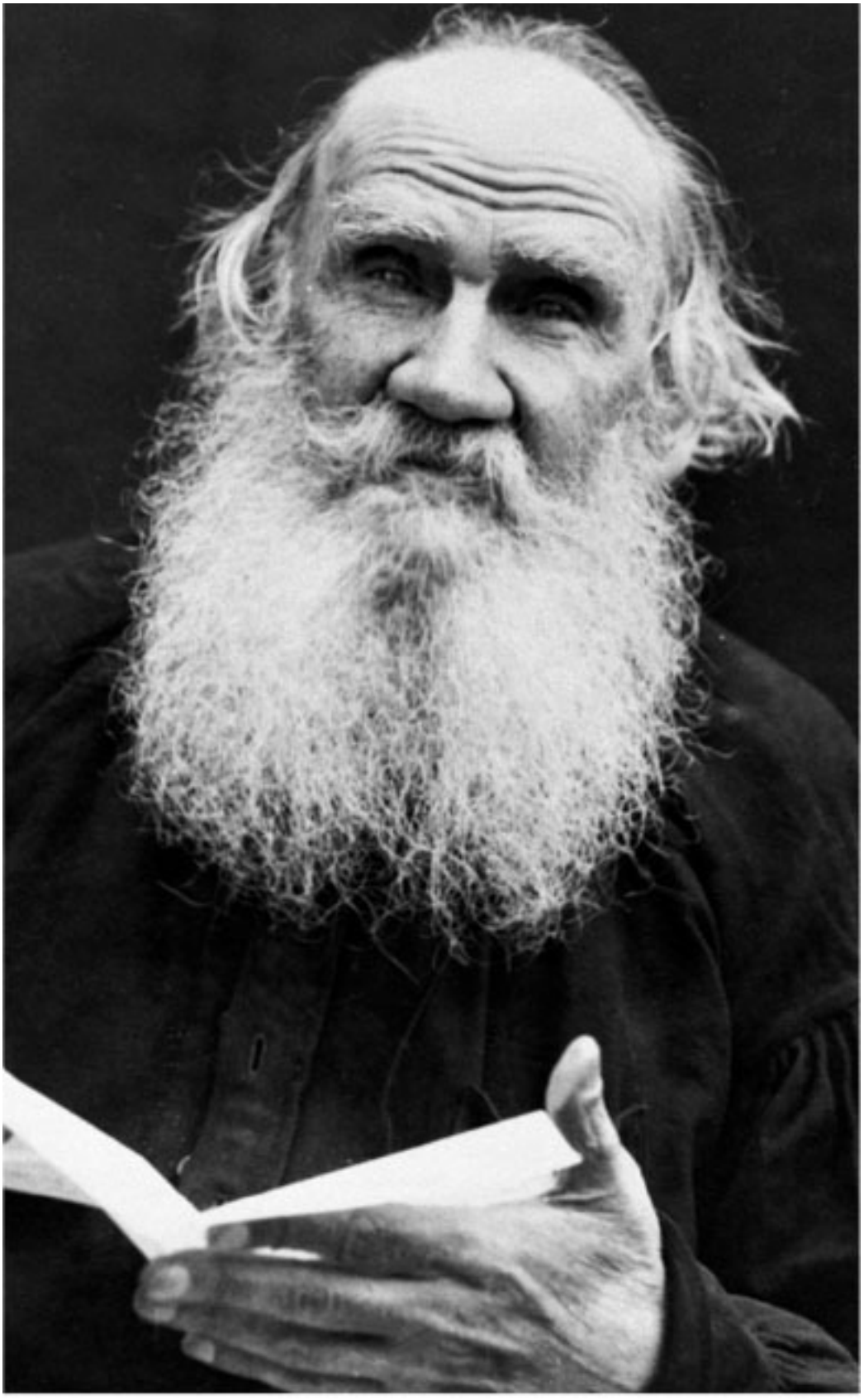
2. Наслаждаться и радоваться.

3. Жить по-божьи и спасти свою душу.

4. Способствовать прогрессу общества.

_____

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу…

Лев Николаевич Толстой
1828–1910

Голос совести

Лев Толстой – один из величайших писателей мира, русский прозаик, публицист, философ, религиозный мыслитель, просветитель. С конца 1870-х гг. философия и публицистика выходят в творчестве Толстого на первый план. Он осуждает несправедливость и насилие, критикует догматы православной церкви. Через все творчество Толстого проходит тема поиска нравственного идеала и смысла жизни. Богослов Александр Мень назвал Толстого голосом совести.

1828 – граф Лев Толстой родился в Ясной Поляне (Тульская губерния), в богатой дворянской семье.

1844 – поступил в Казанский университет на отделение арабско-турецкой словесности философского факультета; в 1847-м бросил учебу.

1851–1856 – военная служба: сначала на Кавказе, затем в Крыму. За оборону Севастополя награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

1852 – в журнале «Современник» выходит первый рассказ Толстого – «Детство».

1857, 1860–1861 – поездки в Европу.

1859 – занялся устройством школ в Ясной Поляне и во всем уезде.

1862 – женился на 18-летней Софье Андреевне Берс, уехал в имение, занялся хозяйством. В 1860-е написал свой первый большой роман – «Война и мир».

1873 – избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, а в 1900 – почетным академиком по разряду изящной словесности.

1879–1882 – написал «Исповедь», религиозно-философское произведение, в котором выразил свое новое миросозерцание.

1886, 1888, 1889 – трижды пешком ходил из Москвы в Ясную Поляну.

1901 – Святейший синод отлучил Толстого от православной церкви.

1910 – ноябрьской ночью Толстой тайно покинул навсегда Ясную Поляну в сопровождении лишь своего врача. В дороге заболел, сошел с поезда и после недели тяжелой болезни умер в доме начальника станции Астапово.

Предисловие

«Толстого-мыслителя всегда занимали лишь две темы – жизнь и смерть», – сказал однажды Владимир Набоков. Две темы – но какие! Сотни персонажей, населяющих страницы произведений Льва Николаевича Толстого, проживают свои жизни на наших глазах: они страдают, любят, ненавидят, верят и разочаровываются, воспитывают детей… и подчас совершают последний шаг – туда, за черту.

Мы привыкли воспринимать Толстого как мудрого старца, устами своих героев провозглашающего истину. Но когда и как сам писатель сформировал свое жизненное кредо? Об этом он рассказывает в «Исповеди», которая получилась настолько откровенной для своего времени, что цензура не позволила опубликовать ее в России – это произошло только через четверть века, в 1906 году.

Время создания «Исповеди» – 1879–1882 годы. Уже написаны «Война и мир», «Анна Каренина», давно завоеваны литературная слава и уважение в обществе… Можно почивать на лаврах? Но писатель переживает годы морального перелома: сомнения в правильности выбранного пути, разочарование в религии, отчаянный поиск смысла жизни и навязчивые мысли о самоубийстве.

Что спасло его? Изучение философии и богословия, занятия педагогикой, беседы со «святыми старцами» или близкое знакомство с жизнью и бытом простого народа? «Исповедь» не дает готовых рецептов. В этом предельно откровенном рассказе о духовном поиске Толстой не выступает в роли всезнающего Учителя, он раскрывает нам свою собственную историю. Но именно такая доверительность удивительным образом помогает мятущемуся читателю обрести почву под ногами. Ведь, как говорил сам Лев Николаевич, «каждый человек – алмаз, который может очистить и не очистить себя…»

Исповедь

Вступление к ненапечатанному сочинению[1]

I

Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства, и во всё время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета[2], я не верил уже ни во что из того, чему меня учили.

Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда и не верил серьезно, а имел только доверие к тому, чему меня учили, и к тому, что исповедовали передо мной большие; но доверие это было очень шатко.

Помню, что, когда мне было лет одиннадцать, один мальчик, давно умерший, Володенька М.[3], учившийся в гимназии, придя к нам на воскресенье, как последнюю новинку объявил нам открытие, сделанное в гимназии. Открытие состояло в том, что Бога нет и что всё, чему нас учат, одни выдумки (это было в 1838 году[4]). Помню, как старшие братья[5] заинтересовались этою новостью, позвали и меня на совет. Мы все, помню, очень оживились и приняли это известие как что-то очень занимательное и весьма возможное.

Помню еще, что, когда старший мой брат Дмитрий, будучи в университете, вдруг со свойственною его натуре страстностью предался вере и стал ходить ко всем службам, поститься, вести чистую и нравственную жизнь, то мы все, и даже старшие, не переставая поднимали его на смех и прозвали почему-то Ноем[6]. Помню, Мусин-Пушкин[7], бывший тогда попечителем Казанского университета, звавший нас к себе танцевать, насмешливо уговаривал отказывавшегося брата тем, что и Давид плясал пред ковчегом[8]. Я сочувствовал тогда этим шуткам старших и выводил из них заключение о том, что учить катехизис[9] надо, ходить в церковь надо, но слишком серьезно всего этого принимать не следует. Помню еще, что я очень молодым читал Вольтера[10] и насмешки его не только не возмущали, но очень веселили меня.

---

[1] Речь идет о религиозно-философском сочинении «Исследование догматического богословия» и масштабном труде «Соединение и перевод четырех Евангелий», за который Толстой был отлучен от церкви. (Здесь и далее – прим. ред.)

[2] В 1844 г. Толстой поступил на отделение восточных языков философского факультета Казанского университета. Через год перевелся на юридический факультет, а весной 1847 г. оставил университет, объяснив свое прошение «расстроенным здоровьем и домашними обстоятельствами».

[3] Владимир Алексеевич Милютин (1826–1855), брат военного министра Д. А. Милютина. Братья Толстые и Милютины познакомились и подружились в 1837 г., когда семья Толстых жила в Москве. Владимир Милютин еще в студенчестве проявил литературный талант, впоследствии стал профессором права в Петербургском университете. В 28 лет покончил с собой.

[4] На самом деле это произошло в 1839 г.

[5] Старшие братья Толстого: Николай (1823–1860), Сергей (1826–1904), Дмитрий (1827–1856).

[6] Согласно Библии, Бог повелел праведнику Ною построить ковчег, чтобы он спасся от Всемирного потопа, спас свою семью, всех представителей животного мира и стал продолжателем человеческого рода.

[7] Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862) – сенатор, действительный тайный советник, военный и общественный деятель, почетный член Российской академии наук.

[8] Завоевав Иерусалим, царь Давид (ок. 1005–965 до н. э.) перевез туда и ковчег Господень, в котором хранились десять заповедей. Перевозили ковчег торжественно, с жертвоприношениями, восклицаниями и трубными звуками, а Давид сам скакал и плясал перед ковчегом.

[9] Катехизис (греч. «поучение», «наставление») – книга, в которой содержатся основные положения христианского вероучения, часто в виде вопросов и ответов.

[10] Вольтер (1694–1778) – французский поэт, драматург, публицист, историк. В своих острых памфлетах Вольтер протестовал, в частности, против религиозного фанатизма и выступал за просвещение.

«Мне нужно знать смысл моей жизни, а то, что она есть частица бесконечного, не только не придает ей смысла, но уничтожает всякий возможный смысл»

Отпадение мое от веры произошло во мне так же, как оно происходило и происходит теперь в людях нашего склада образования. Оно, как мне кажется, происходит в большинстве случаев так: люди живут так, как все живут, а живут все на основании начал, не только не имеющих ничего общего с вероучением, но большею частью противоположных ему; вероучение не участвует в жизни, и в сношениях с другими людьми никогда не приходится сталкиваться и в собственной жизни самому никогда не приходится справляться с ним; вероучение это исповедуется где-то там, вдали от жизни и независимо от нее. Если сталкиваешься с ним, то только как с внешним, не связанным с жизнью, явлением.

По жизни человека, по делам его, как теперь, так и тогда, никак нельзя узнать, верующий он или нет. Если и есть различие между явно исповедующими православие и отрицающими его, то не в пользу первых. Как теперь, так и тогда явное признание и исповедание православия большею частью встречалось в людях тупых, жестоких и безнравственных и считающих себя очень важными. Ум же, честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими.

В школах учат катехизису и посылают учеников в церковь; от чиновников требуют свидетельств в бытии у причастия[11]. Но человек нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службе, и теперь, а в старину еще больше, мог прожить десятки лет, не вспомнив ни разу о том, что он живет среди христиан и сам считается исповедующим христианскую православную веру.

Так что как теперь, так и прежде вероучение, принятое по доверию и поддерживаемое внешним давлением, понемногу тает под влиянием знаний и опытов жизни, противоположных вероучению, и человек очень часто долго живет, воображая, что в нем цело то вероучение, которое сообщено было ему с детства, тогда как его давно уже нет и следа.

Мне рассказывал С.[12], умный и правдивый человек, как он перестал верить. Лет двадцати шести уже, он раз на ночлеге во время охоты, по старой, с детства принятой привычке, стал вечером на молитву. Старший брат, бывший с ним на охоте, лежал на сене и смотрел на него. Когда С. кончил и стал ложиться, брат его сказал ему: «А ты еще всё делаешь это?» И больше ничего они не сказали друг другу. И С. перестал с этого дня становиться на молитву и ходить в церковь. И вот тридцать лет не молится, не причащается и не ходит в церковь. И не потому, чтобы он знал убеждения своего брата и присоединился бы к ним, не потому, чтоб он решил что-нибудь в своей душе, а только потому, что слово это, сказанное братом, было как толчок пальцем в стену, которая готова была упасть от собственной тяжести; слово это было указанием на то, что там, где он думал, что есть вера, давно уже пустое место, и что потому слова, которые он говорит, и кресты, и поклоны, которые он кладет во время стояния на молитве, суть вполне бессмысленные действия. Сознав их бессмысленность, он не мог продолжать их.

Так было и бывает, я думаю, с огромным большинством людей. Я говорю о людях нашего образования, говорю о людях, правдивых с самими собою, а не о тех, которые самый предмет веры делают средством для достижения каких бы то ни было временных целей. (Эти люди – самые коренные неверующие, потому что если вера для них – средство для достижения каких-нибудь житейских целей, то это уж наверно не вера.) Эти люди нашего образования находятся в том положении, что свет знания и жизни растопил искусственное здание, и они или уже заметили это и освободили место, или еще не заметили этого.

---

[11] Причастие (принятие Тела и Крови Христовых) – одно из самых важных таинств церкви.

[12] Сергей Николаевич Толстой, один из старших братьев.

«Если б я был как человек, живущий в лесу, из которого он знает, что нет выхода, я бы мог жить; но я был как человек, заблудившийся в лесу, на которого нашел ужас оттого, что он заблудился. И он мечется, желая выбраться на дорогу, знает, что всякий шаг еще больше путает его, и не может не метаться»

Сообщенное мне с детства вероучение исчезло во мне так же, как и в других, с той только разницей, что так как я очень рано стал много читать и думать, то мое отречение от вероучения очень рано стало сознательным. Я с шестнадцати лет перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть. Я перестал верить в то, что мне было сообщено с детства, но я верил во что-то. Во что я верил, я никак бы не мог сказать. Верил я и в Бога, или, скорее, я не отрицал Бога, но какого Бога, я бы не мог сказать; не отрицал я и Христа и его учение, но в чем было его учение, я тоже не мог бы сказать.

Теперь, вспоминая то время, я вижу ясно, что вера моя – то, что, кроме животных инстинктов, двигало моею жизнью, – единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чем было совершенствование и какая была цель его, я бы не мог сказать. Я старался совершенствовать себя умственно, – я учился всему, чему мог и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю – составлял себе правила, которым старался следовать; совершенствовал себя физически, всякими упражнениями изощряя силу и ловкость и всякими лишениями приучая себя к выносливости и терпению. И всё это я считал совершенствованием. Началом всего было, разумеется, нравственное совершенствование, но скоро оно подменилось совершенствованием вообще, т. е. желанием быть лучше не перед самим собою или перед Богом, а желанием быть лучше перед другими людьми. И очень скоро это стремление быть лучше перед людьми подменилось желанием быть сильнее других людей, т. е. славнее, важнее, богаче других.

II

Когда-нибудь я расскажу историю моей жизни – и трогательную, и поучительную в эти десять лет моей молодости. Думаю, что многие и многие испытали то же. Я всею душой желал быть хорошим; но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался выказывать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли. Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть – всё это уважалось. Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого, и я чувствовал, что мною довольны. Добрая тетушка[13] моя, чистейшее существо, с которой я жил, всегда говорила мне, что она ничего не желала бы так для меня, как того, чтоб я имел связь с замужнею женщиной: «rien ne forme un jeune homme comme une liaison avec une femme comme il faut»[14]; еще другого счастия она желала мне – того, чтоб я был адъютантом, и лучше всего у государя; и самого большого счастья – того, чтоб я женился на очень богатой девушке и чтоб у меня, вследствие этой женитьбы, было как можно больше рабов.

Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей на войне[15], вызывал на дуэли[16], чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, каз-

[13] Татьяна Александровна Ергольская (1792–1874).

[14] Ничто так не образует молодого человека, как связь с порядочной женщиной (фр.).

[15] В 1851–1853 гг. Толстой принимал участие в военных действиях на Кавказе, в 1854–1855 гг. участвовал в крымской кампании, командовал батареей в осажденном Севастополе.

[16] В 1856 г. Толстой, оскорбленный мнением о себе, вызвал на дуэль сотрудника журнала «Современник», но благодаря

нил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяния всех родов, пьянство, насилие, убийство… Не было преступления, которого бы я не совершал, и за всё это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком.

Так я жил десять лет.

В это время я стал писать из тщеславия, корыстолюбия и гордости. В писаниях своих я делал то же самое, что и в жизни. Для того чтобы иметь славу и деньги, для которых я писал, надо было скрывать хорошее и выказывать дурное. Я так и делал. Сколько раз я ухитрялся скрывать в писаниях своих, под видом равнодушия и даже легкой насмешливости, те мои стремления к добру, которые составляли смысл моей жизни. И я достигал этого: меня хвалили.

Двадцати шести лет я приехал после войны в Петербург[17] и сошелся с писателями. Меня приняли как своего, льстили мне. И не успел я оглянуться, как сословные писательские взгляды на жизнь тех людей, с которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мне все мои прежние попытки сделаться лучше. Взгляды эти под распущенность моей жизни подставили теорию, которая ее оправдывала.

> «***Кроме разумного знания, у всего живущего человечества есть еще неразумное знание, – вера, дающая возможность жить. Вера одна дает человечеству ответы на вопросы жизни и, вследствие того, возможность жить***»

Взгляд на жизнь этих людей, моих сотоварищей по писанию, состоял в том, что жизнь вообще идет развиваясь и что в этом развитии главное участие принимаем мы, люди мысли, а из людей мысли главное влияние имеем мы – художники, поэты. Наше призвание – учить людей. Для того же, чтобы не представился тот естественный вопрос самому себе: что я знаю и чему мне учить, – в теории этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художник и поэт бессознательно учит. Я считался чудесным художником и поэтом, и потому мне очень естественно было усвоить эту теорию. Я – художник, поэт – писал, учил, сам не зная чему. Мне за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помещение, женщины, общество, у меня была слава. Стало быть, то, чему я учил, было очень хорошо.

Вера эта в значение поэзии и в развитие жизни была вера, и я был одним из жрецов ее. Быть жрецом ее было очень выгодно и приятно. И я довольно долго жил в этой вере, не сомневаясь в ее истинности. Но на второй и в особенности на третий год такой жизни я стал сомневаться в непогрешимости этой веры и стал ее исследовать. Первым поводом к сомнению было то, что я стал замечать, что жрецы этой веры не все были согласны между собою[18]. Одни говорили: мы – самые хорошие и полезные учители, мы учим тому, что нужно, а другие учат неправильно. А другие говорили: нет, мы – настоящие, а вы учите неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали друг против друга. Кроме того, было много между нами людей и не заботящихся о том, кто прав, кто не прав, а просто достигающих своих корыстных целей с помощью этой нашей деятельности. Всё это заставило меня усомниться в истинности нашей веры.

Н. А. Некрасову инцидент был улажен. В 1861 г. вызвал на дуэль И. С. Тургенева, когда тот резко отреагировал на замечание Толстого, но эта дуэль тоже не состоялась.

[17] В Петербург Толстой приехал 19 ноября 1855 г., то есть ему было 27 лет.

[18] Например, споры между сторонниками «чистого искусства» и революционно-демократическим крылом журнала «Современник».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.